

18+

ВОЙСКА ДЯДИ ВАСИ

Вячеслав Голышев

Вячеслав Голышев

**Войска Дяди Васи.
Реалистический роман**

«Издательские решения»

Голышев В.

Войска Дяди Васи. Реалистический роман / В. Голышев —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта
книга об обычных парнях, которые попадают в систему, где слабость быстро
становится заметна, где характер — единственная защита и где человек
уже никогда не будет прежним. Эта книга о службе в воздушно-десантных
войсках. Казармы, прыжки с парашютом, усталость, страх, юмор, который
помогает не сломаться. И конечно же — первая незабываемая любовь
к женщине, которая заставляет сердце биться с новой силой. Книга содержит
нецензурную брань.

© Голышев В.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Войска Дяди Васи Реалистический роман

Вячеслав Голышев

© Вячеслав Голышев, 2026

ISBN 978-5-0070-6063-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Эта книга посвящается моему родному старшему брату Дмитрию, который служил в воздушно-десантных войсках и за плечами которого двадцать четыре прыжка с парашютом. Пройдя многолетнюю войну, навсегда оставившую горький отпечаток в его памяти и душевную боль, он почти никогда не рассказывал мне об этом, но неизменно повторял: «Я не сломался и выжил потому, что всегда, когда было совсем плохо и уже не было сил, говорил себе: „Никто, кроме нас! ВДВ — вперед!“»

Я собрал воедино рассказы моих друзей, служивших в ВДВ, и солдат-гвардейцев, с которыми встречался, неоднократно посещая Сибирскую дивизию десантных войск, изучая их быт, обычаи, взаимоотношения между собой и с офицерами, а также кое-что добавил из собственной армейской службы. В этой книге описано, как в реальности проходит служба, с какими проблемами и ситуациями приходится сталкиваться в повседневной армейской жизни. Я не старался приукрасить или романтизировать службу в ВДВ — несомненно, это элита российских войск и дух братства присутствует, каждый солдат ощущает это в процессе службы. Присутствует также и предательство армейских друзей, ненависть к приказам, которые заставляют тебя переступать через моральные принципы, но все же в сложных ситуациях в ВДВ приучают к тому, что, как бы ты ни относился к сослуживцу, прежде всего ты десантник и должен выручать своего товарища, забыв о прошлых обидах и разногласиях. Все персонажи в книге вымышленные, но многие события имели место, за исключением некоторых отступлений от действительности — благодаря полету моей фантазии. Я что-то приукрасил, добавив безобидный армейский юмор. Действие в книге происходит в конце девяностых — начале двухтысячных годов.

Чтобы самому почувствовать, что такое прыжок с парашютом, я записался в аэроклуб и после недельной подготовки прыгнул. Когда я приземлился, мой парашют превратился в парус, который подхватил сильный ветер, и меня начало тащить по снежному полю. Пытаясь погасить

купол, я с большим трудом тянул стропы к себе, но они снова и снова вырывались у меня из рук. Скользя по зимнему полю с приличной скоростью, я абсолютно выбился из сил и был похож на снежный ком, летящий по белой глади, лицо обжигало колючим снегом. Не знаю, что стало бы с моим организмом, если бы не инструктор, погасивший мой купол, забежав на него ногами. На мое счастье, он дежурил на поле, где я приземлился, сидя в «шишиге» (ГАЗ-66) и высматривая таких бедолаг, как я. Увидев эту картину, он поехал на перехват.

Так я приобрел свой крайний «тошнотик» (значок парашютиста) с висящей на нем капелькой одного прыжка.

Я прыгал с Ан-2 («кукурузника»), высота — 1100 м, парашют — Д-6. Что уж говорить о прыжках с самолета Ил-76 — вот где испытание силы духа! Возможно ли человека, решившегося на такое, испугать чем-либо в жизни?

Весь свой страх десантники оставили в небе!

Часть первая

— Мама! Еще так рано, а ты уже приготовила для меня столько вкусного! Мои любимые фаршированные блинчики с мясом, пирожки с капустой и даже заварные трубочки с вареной сгущенкой. Когда ты все это успела?

— Я пекла всю ночь, чтобы мой сынулька проснулся и поел как следует, — сказала мама.

— М-м-м... как все вкусно, мам! — ответил я. — Сейчас поем и еще немного посплю. Сегодня ведь выходной, в школу не надо, и можно вдоволь выспаться.

— Конечно, мой мальчик, — ответила мама. — Только извини, но это у тебя не получится.

— Почему не получится? У нас есть какие-то неотложные дела? Нужна моя помощь?

— Нет, сынок. Просто... рота, подъем!

— Что? Не понял, — ответил я.

Мама сказала уже громче:

— Рота, подъем!

— Мама, ты чего это? — улыбнувшись, спросил я ее.

Мама встала из-за стола, наклонилась ко мне и прокричала громко:

— Рота, подъем!!!

— Первое отделение, подъем! Второе отделение, подъем! Третье отделение, подъем! Что вы телитесь, как девочки?! Кто-нибудь разбудите этого душару!

Удар в спину — как я предположил, двумя ногами моего соседа с нижнего яруса кровати — подбросил меня вверх. Подлетев и перевернувшись на левый бок, я почувствовал, будто завис в воздухе и медленно опускаюсь, находясь в невесомости и наблюдая беспорядочный хаос, царящий вокруг. Я не мог понять, что происходит. Много солдат, все быстро одеваются, куда-то бегут, кричат. Приземление на деревянный пол и боль, пронзившая меня после встречи с ним, окончательно вырвали из моего сознания остатки сладкого сна.

«Твою ж мать! Это армия».

Я быстро вскочил, не обращая внимания на дембеля, лежащего на нижнем ярусе. Разбудив меня таким образом, он, зевая и потягиваясь, медленно приподнимался с кровати.

— Что, дух, спать полюбил? — сказал он. — Я к тебе в будильники не нанимался. В следующий раз получишь берцем в лоб!

Зычный голос сержанта оглашал армейскую казарму:

— Вы че, гвардейцы?! Полдня одеваться будете?! Кто вас, обезьян, вообще в десантники взял?!

— Становись, рота! — прозвучала команда злого деда.

Все бойцы повскакивали с коек, небрежно напялили на себя армейскую форму и сломя голову понеслись строиться. Через две с половиной минуты все стояли в строю, поправляя кто китель, кто портянки, а кто-то и вовсе потерял часть формы, когда бежал, одеваясь на ходу.

— Да-а-а! — сказал дедушка. — Хреновенько, бойцы! После команды «подъем» в течение сорока пяти секунд вы должны стоять здесь, аккуратно одетые и счастливые. Ну ничего, это мы вас подрессируем с недельку, да по несколько раз на дню, и все будет отличненько. Рота, смирно! Напра-во! Слева в колонну по одному в туалет бегом... По команде «бегом» руки сгибаются в локтях, прижимаются к корпусу, тело подается вперед. Марш!

Все рванули с места! Это еще был не строй, не солдаты, а стадо обезумевших животных.

— Отставить! — прокричал сержант. — На исходную!

Вся толпа резко затормозила у входа в туалет, разом обернулась и побежала назад строиться.

— Вы че, микробы тифозные?! — прокричал дедушка. — Я же сказал: в колонну по одному слева. Марш!

— Считаю до десяти, все должны справить свои надобности и вернуться для построения, — крикнул нам вслед сержант и начал отсчет, но почему-то с числа три: — Четыре, пять...

По три струи было направлено в один толчок. Были, конечно, еще и сержантские толчки, но подходить духу к ним не положено, дабы не разбрасывать своих микробов в этом стерильном месте, начищенном духами-умельцами до блеска зубными щетками.

Прозвучала команда: «Построение на плацу, форма два — голый торс. Бегом марш!» Начиналась утренняя армейская зарядка.

Сперва мы бежали вокруг нашей парашютно-десантной дивизии — это четыре-пять километров по периметру военного городка. Иногда шли, но только в полуприседе, руки за головой. В течение всей зарядки периодически отжимались на асфальте на кулаках раз по сто каждый. Кто халявил и был замечен, отжимались больше — до тех пор, пока руки не начинали отказывать совсем. После была полоса препятствий, на которой мы ползали по земле под натянутой колючей проволокой, лазали по канату, перепрыгивали через двухметровое деревянное ограждение, отжимались, опять прыгали, и так несколько повторений по кругу. Многие начали подыхать от такой физической нагрузки в первый же день службы, но благодаря мощному удару берцем в грудь сразу открывалось второе дыхание.

В 7:30 утра, заползая в казарму, вонючий от пота, грязный, голодный и просто убитый в хлам этой зарядкой десантника, я думал: «Еще только раннее утро, а уже еле живой. Как же мне дожить до вечера?»

Забегав в роту, мы приступили к заправке кроватей. Так старательно я еще никогда не заправлял кровать. На покрывале был рисунок: три черные полосы по горизонтали во всю длину. Не только чтобы знать, каким концом укрывать ноги, но и для идеально ровного вида. Мы натягивали нитку с одного края казармы, приложив к нижней полоске покрывала, до другого края по всей длине и выравнивали так, что если посмотреть издали, то по всем кроватям верхнего и нижнего яруса проходили длинные ровные сплошные три полосы. Затем пальцами приминали покрывало по всей длине по бокам, чтобы, если посмотреть на кровать справа или слева, это был длинный ровный прямоугольник боковины покрывала.

В 9:00 дневальный, находящийся все время у тумбочки с телефоном при входе в роту, продублировал команду дежурного по роте сержанта-зверюги:

— Рота для следования на прием пищи — становись!

Зверюгой я прозвал его про себя. Здоровенный двухметровый детина, отслуживший на тот момент полтора года и уже грезивший о наступающей дембельской стодневке, с кривым, сломанным носом и челюстью, чуть выступающей вперед. Вид у него был злой и внушительный. При его появлении невольно ощущался мандраж.

В армейской столовой наша рота стояла в колонну по три и ждала своей очереди — сперва на улице, потом внутри. Как хотелось есть! Был просто какой-то дикий голод. С нетерпением я ждал в надежде набить свою кишку армейской «парашкой» — так называли столовские казенные харчи. И действительно, так и оказалось. Завтрак был весьма скромный: пшенная каша с размазанными в ней маленькими кусочками тушенки, кусок серого хлеба с «шайбочкой» — маленьким круглым кусочком масла, и, наверное, чай, хотя это больше было похоже на кипяток с запахом чая. Я понимаю, почему дают мало времени поесть, — а зачем его много? Я смел завтрак себе в утробу за пару минут.

Прозвучала команда черпака:

— Рота, закончили прием пищи! Встать! На выход по одному! Построение в три колонны на улице!

Пару месяцев назад черпак был слоном, но после, к его счастью, когда ему «отбили хобот» — это когда «переводят» солдата из слона в черпаки армейской бляхой ремня по мягкому месту, оставляя отпечатки звезд, — он приобрел новую армейскую масть.

Меня больше всего раздражало, что здесь все было бегом: в столовую — бегом, из столовой — тоже бегом, в туалет, на построение... Сержант крикнет твою фамилию — еще быстрее бегом к нему. Если увидят, что ты передвигаешься где-нибудь шагом, опять кричат: «Бегом марш, гвардеец!»

В 11:00 нас рассадили на табуретках в роте на «взлетке». Некоторые духи, веселя дедушек, разбегались и падали на грудь, разводя при этом руки назад и в стороны, и скользили по полу, издавая громкий и протяжный рык, имитируя приземление Ил-76 — самолета для массовой выброски десантников с парашютом.

Начался учебный час. Рота в количестве 90 человек сидела бесшумно. После легкой зарядки (так говорили старослужащие) и завтрака невыносимо хотелось спать. Голова просто кружилась. Борясь всеми силами со своими веками, которые не слушались меня и медленно закрывались (я не в состоянии был поднять их, как будто к ним прицепили тяжелые спортивные гантели), и чувствуя, как теряю сознание, я уперся в чье-то плечо.

— Не спать, десантура, — прошептал чей-то голос, трясая меня при этом за руку.

Я встрепенулся.

— Женя, — сказал он.

— Нет, Дима, — ответил я.

Он, улынувшись, произнес:

— Да меня зовут Женя.

— А, понял. Ты откуда, Жека?

— Я из Кабарды, город Нальчик. Слышал о такой местности?

— Да, конечно!

— А ты откуда, Диман?

— Я из Сочи.

— Тоже неплохо, — ответил Жека.

Женя был плотного телосложения, нос картошкой, губы лепешкой, небольшого роста, черноволосый. «И как с таким ростом его взяли в ВДВ — непонятно. Наверное, по ошибке», — подумал я.

Позади сидящих на табуретках гвардейцев расположилась пара дедов и, прислонившись к стеночке, надвинув кепки на глаза, тихо посапывала. Два дембеля в нашей роте вальяжно передвигались по казарме в тапочках, не обращая внимания на все происходящее вокруг, и на них особо никто не обращал внимания. Они были как привидения: вроде есть — и в то же время как будто и нет. Вечно расслабленные, ленивые, им даже еду приносили в роту, чтобы их величества ноги не били. Вечно плавали в сладких мыслях о доме, до встречи с которым оставалось меньше двух недель. Да, дембель — это особая, уважаемая военными каста армейцев. Он уже честно отслужил, отпрыгался, долг родине отдал, и напрягаться ему по сроку службы было не положено.

Несколько черпаков прохаживались вдоль сидящего строя, высматривая нечаянно закемаревшего бойца, чтобы ударом ладонью по затылку привести его в чувство. Когда же количество погружающихся в транс возрастало, черпак-клоун (так его называли за частые туповатые шутки) скомандовал:

— Рота, встать! Вы двое с левого края, — указал он пальцем на духов, — метнулись открыть все форточки в распоряжении. Остальные — поднять руки вверх и быстро махают над головой, сгоняем со своего «котелка» птицу по имени Фаза! Это коварное существо, — начал рассказывать он, — мягкое и пушистое, медленно садится вам на голову и забирает ваш мозг в сладкий мир гражданских грез! И чтобы избавить вашу голову от извращенных гражданских

мыслей, эту птицу нужно прогонять из роты! А вы что, душары, стоите у окна? Тоже махайте руками в сторону открытых форточек, пусть она вылетает отсюда.

И два бедолаги стали бегать от одного окна к другому по всей казарме, махая руками, выгоняя какого-то злого духа прочь. Наблюдать это было смешно и в то же время как-то грустно.

После этого представления к нам вышел заместитель по политической части (сокращенно — замполит) Лейс. Он отвечал за морально-психологическое состояние военнослужащих нашего батальона. Его задачей было доносить особо важную информацию до солдат и проводить уроки, направленные на воспитание патриотизма у воинов. Высокий, широкоплечий капитан с приятной внешностью, в хорошо сидевшей на нем армейской форме. Поприветствовав его, мы расселись по местам, и он начал вещать:

— Товарищи бойцы! Не попал в ВДВ — радуйся, попал — гордись! Наша дивизия состоит из двух парашютно-десантных полков. В каждом полку по три батальона. В каждом батальоне по три-четыре роты. Внутри каждого полка есть отдельные подразделения: рота разведки, рота связи, рота материального обеспечения и инженерно-саперная рота. Каждый из вас в течение четырех учебных месяцев получит военную специальность и в дальнейшем будет проходить службу в одном из подразделений нашего полка либо в другом регионе нашей необъятной родины!

Василий Филиппович Маргелов сделал ВДВ элитой. Именно при нем служба в десанте стала исключительно престижной. Он для нас не просто командующий, а бог! Батя! Именно он превратил десант из легкой пехоты, которая прыгала с «кукурузников» с автоматами, в мощнейшую ударную силу, способную решать стратегические задачи. Василий Филиппович совершил свой первый прыжок в сорок лет, будучи уже генералом. Он прыгал более шестидесяти раз. Маргелов считал, что командующий не вправе требовать от солдата того, чего не умеет сам. Главный девиз ВДВ: «Никто, кроме нас!» Сбили с ног — сражайся на коленях, идти не можешь — леж насту пай! Даже смерть не является оправданием невыполнения боевого приказа!

Маргелов Василий Филиппович

Маргелов понимал, что десант в тылу врага долго не продержится с одними автоматами. Он заставил конструкторов разработать специальную технику, которую можно сбрасывать с парашютом: авиадесантные самоходки, БМД, противотанковые комплексы. Он хотел, чтобы десантник по огневой мощи не уступал танкисту. До Маргелова техника сбрасывалась отдельно, а экипаж — отдельно. Бойцы могли приземлиться в километрах от своих машин. Он решил: экипаж должен десантироваться внутри своей машины — БМД. Это был огромный риск: если парашютная система откажет, люди внутри гарантированно погибнут. И первым в 1973 году на такой прыжок отправился сын Маргелова Александр, который был награжден звездой Героя Советского Союза. Запомните, гвардейцы: для десантника голубой берет — символ чести, а тельняшка — вторая кожа!

— Рота, для следования на прием пищи — становись! — прозвучал голос дневального.

— Рота, встать! — скомандовал капитан. — В три шеренги становись!

Мы в мгновение расставили свои табуретки по местам у кроватей и уже стояли по стойке смирно, предвкушая обед.

Но обед, конечно же, как и завтрак, меня не порадовал. На первое был кипяток с капустой, картошкой и свеклой. Называли его борщ. На второе — гороховая каша с тушенкой, небольшая мисочка винегрета, кусок хлеба и кисель. Эх, разочарованию не было предела! Как хотелось поест по-человечески. Особенно чего-нибудь сладенького. Мы опять закидали в свою утробу армейскую «парашку» и, как всегда, бегом выдвинулись в сторону ВДК — на экскурсию по ознакомлению с подготовкой парашютистов-десантников.

Там нас встретил майор по фамилии Майоров. Плотный, крепкий мужик с жестким лицом. Рукава его кителя были подвернуты до локтей, чтобы лучше было видно его крепкие мясистые руки. Сложилось впечатление, что сейчас этот человек будет копаться в наших внутренних органах, рассматривая органы, и выбрасывать все ненужное на свое усмотрение.

— Итак! — сказал он. — Вы находитесь в святом для десантника месте. Если у кого что болит, то все эти волшебные тренажеры исцелят его гниющую плоть, зараженную извращенной гражданской жизнью. Запомните, гвардейцы: десантник три минуты — ангел, три секунды — орел, а остальное время — ломовая лошадь!

Да, его речь впечатляла. Армия делает из человека не только воина, но еще и философа. Майор продолжал:

— Лошадью он становится сразу после приземления, когда нужно быстро собрать пятнадцать-двадцать килограмм парашюта в сумку и бежать на точку сбора. Приземление в ВДВ — это вам не мягкая посадка на облако, а жесткое столкновение с землей на скорости около пяти метров в секунду. Это как прыгнуть со второго этажа. И чтобы вам, обезьяны, не поехать в госпиталь в первый же день, я буду дрессировать вас здесь до изнеможения каждый день в течение первых двух месяцев, чтобы сделать из вас людей, и, если понадобится, — вот этими вот руками.

Он согнул руки в локтях и показал свои мощные кулаки.

После показа тренажеров мы бегом отправились в роту. Ровно час у нас было личное время. Мы вырезали из старой простыни длинный тонкий прямоугольник, проглаживали его и подшивали к воротнику с внутренней стороны.

— Товарищ сержант! Можно обратиться? — спросил я, подойдя к зверюге.

Тот криком отрапортовал:

— Можно «Машку за ляжку» или «козу на возу». Нужно говорить «разрешите».

— Есть, товарищ сержант! Разрешите обратиться!

Сержант ответил:

— Разрешаю.

— Скажите, где можно взять утюг для проглаживания подшивы?

И в этот момент я получил прямой удар ладонью в лоб.

— Запомни, дух, — сказал дедушка, — в армии, когда тебе поставили задачу, нужно ее выполнить, не задавая вопросов. Если тебе что-то нужно, рожай сам и не спрашивай. Как ты это сделаешь, никого не волнует. Усек, военный?

— Так точно! — сказал я. — Разрешите выполнять?

— Разрешаю, — ответил зверюга, и я быстренько испарился для поисков утюга, иголки, нитки и всего необходимого для выполнения задачи.

— Рота, для следования на прием пищи — становись! — прокричал дух-дневальный на тумбочке.

Есть хотелось просто невыносимо. Мы расселись в столовой повзводно за свои столы и стали быстро поглощать гречневую кашу с тушенкой и слегка сладкий компот, в котором плавали маленькие продолговатые белые червячки. Они давно уже умерли в мешках с сухофруктами и не представляли большой опасности. Каждому дали по столовой ложке сгущенки, и мы радостно размазали ее по серому хлебу. Черпак — наш командир отделения, и дед-зверюга кушали сгущенку из стоящей перед ними целой банки. Кушали чайными ложечками, которых никогда не было в армейском пищеблоке. Этот процесс проходил медленно, как будто ели они с неохотой, только лишь для того, чтобы их тельце немного подпиталось веселящими углеводами. Оставшиеся у них полбанки сгущенного молока дед с барского плеча кинул на середину стола со словами:

— Вот, духи. Порадуйтесь! Можете заточить! Дедушка разрешает.

С трясущимися столовыми ложками в руках мы каждый зачерпнули своими «веслами» сладкий продукт, быстренько закинув его себе в пасть. Приход был сногшибательный, в тот момент казалось, что это самое чудесное лакомство на земле.

После вечерней прогулки с песнями дали десять минут, чтобы мы могли помыть свои протухшие в кирзачах за целый день ноги. В один умывальник пихали свои вонючие копыта по три человека, справили естественные надобности и побежали строиться на «взлетке». После вечерней переключки в 22:00, убедившись, что все обезьянки на месте и никто не подох в первый счастливый день службы, прозвучала команда: «Рота, отбой!» Все метнулись в сторону своих люлек в надежде обрести приятный сон после первого убийственно-армейского дня в десантных войсках.

Проходящий мимо моей койки слоняра проверял правильность и аккуратность заправки формы на табуретках. Увидев мой небрежно лежащий китель, грозно посмотрел на меня и спросил:

— Фамилия?!

К тому времени я уже на мгновение отрубился, погрузившись в дрему, и, не поняв соню, что от меня хотят, спросил:

— Че?

— Фамилия?! — еще раз громче произнес слоняра.

— Чья? — переспросил я, быстро поднимаясь.

От усталости и сильного желания спать я не понимал, что происходит.

— Что за фамилия такая странная — Чача? Ты откуда приехал сюда? — спросил слоняра.

— С Южного Кавказа, — ответил я.

Младший сержант посмотрел на меня внимательно и выдал:

— Абрек, значит. То-то, я смотрю, фамилия странная, а вроде не похож. Да еще тупишь, русский плохо знаешь. Что там, в Азии, русскому не учат в школе?

Остатки сна растворились, но я не понимал, о чем он спрашивает. «Наверное, бредит», — подумал я.

Слоняра произнес громко:

— Слышь ты, дух позорный. Почему китель плохо сложен?

— Виноват, товарищ младший сержант.

— Лося! — сказал он.

По этой команде нужно было приложить руки ко лбу ладонями вперед, растопырить пальцы и ждать удара в мягкую ткань. Но я продолжал стоять.

— Лося, я сказал! — повторил он.

— Так бей! — с легкой злобой ответил я.

Дембель, отдыхающий на нижнем ярусе кровати и перебирающий пальцами свой новенький, только что купленный сотовый телефон, прикрикнул:

— Короче, слон, заканчивай это дрочево. Думать мне мешаешь.

Слоняра втащил мне кулаком в лобешник и, корчась от боли, быстро удалился на дальнейшую проверку. Я устоял. Почесывая лоб, залез на верхний ярус, злой и голодный, сопя в две дырки. Сосед снизу, лежа на кровати, нежно покачал меня ногой в спину:

— Слышь, дух, че руки не приставил ко лбу? Удар бы смягчился.

— Да как-то запахло для меня, товарищ дембель, — ответил я.

— Молодец, товарищ дух. Правильно все. Тебя как звать? — спросил он.

— Дима, — ответил я.

— Откуда родом, Диман?

— Из Сочи.

— Откуда? — переспросил он. — Из Сочи? Ну, ты красавчик. Курортник, значит. Чача-курортник! Это звучит!

«Почему курортник? — подумал я. — Да еще и Чача». У меня не укладывалось в голове мышление этих военных.

— Ну как там, на юге? Море красивое?

— Да море как море, ничего особенного.

— Надо же, ничего особенного, — ответил дембель. — Я вот ни разу в жизни не видел моря, а ты такую лафу словил — и не просекаешь всей прелести. Дай-ка мне свой номер сотового. Как буду в Сочи, наберу — чаю попьем, на солнышке тельце погреем.

— У меня нет мобильного. Есть дома стационарный телефон.

— Ну давай его хоть. Дослужишься до дедушки — прикупишь себе сотик.

— А вы откуда, товарищ дембель?

— Да ладно тебе. Меня Андреем зовут, кто — Калганом, фамилия — Калганов. Я здешний, из этого сибирского города вечных морозов и холодного лета.

— А что, зимы сильно суровые? — спросил я.

— Да что ты, еще какие суровые. Мороз минус тридцать, метель и вьюга.

Проваливаясь в сон и что-то бормоча, отвечая несвязно, я уснул. Сосед снизу что-то мне еще рассказывал, но я ничего уже не слышал...

— Рота, слушай мою команду!

Встрепенувшись и открыв глаза, я подумал: «Неужели уже подъем? Как мгновенно прошла ночь».

Сержант-зверюга командовал:

— «Крокодилами» становись! Кто на нижнем ярусе — «черная вдова» (имелся в виду паук — нужно было зацепиться пальцами рук и ног за сетку кровати верхнего яруса и висеть).

Я уснул всего лишь на пять минут. Дедушка поднял нас для... Это была вечерняя, послеотбойная прокачка. Об этом виде армейского развлечения нам поведали в течение дня слоны и наглядно показали, что нужно делать, когда прозвучит такая команда.

На втором ярусе я уперся руками в одну дужку кровати, а ногами в другую и так стоял в надежде скоро услышать команду, которая прекратит мои физические страдания. После такого тяжелого дня все думали, что отбой — это уже конец всем мучениям на сегодня, но оказывается, что даже ночью тренировки продолжают. Я стоял «крокодилом» и вел сам с собой диалог, что не выдержу всего этого, сломаюсь. И угораздило же меня попасть в эту армейку, в Сибирь, да еще и в ВДВ. Сдохну здесь и никогда больше не увижу родной дом.

Снизу послышался голос дембеля:

— Диман, отбой. Можешь лечь, я разрешаю.

— Никак нет, товарищ дембель, не могу я. Все пацаны стоят, и я стоять буду.

— Молодец, Диман. Хороший из тебя получится десантник, — ответил он. — Слышь, командир! — обратился он к зверюге. — Хватит на сегодня пацанов мурыжить, пусть отдыхают. Да и я утомился, спать хочу.

— Отбой! — прокричал сержант, и все разом рухнули в койки и мгновенно уснули.

— Какой-то я стал сентиментальный под конец службы, жалеть стал духов, — пробормотал дембель, поворачиваясь на бочок для просмотра сладких снов о гражданке.

А я лежал на кровати, уставившись глазами в темный потолок, переваривая в голове события прошедшего дня, и вел сам с собой непрекращающийся диалог: закончился только первый день моей службы, а впереди таких дней еще семьсот девятнадцать. Эх, как же можно вообще дожить до дембеля и при этом хоть как-то сохранить свое пока еще здоровое сознание?

Кого здесь только не было. Служили в моей роте и узбеки, и таджики, и различные горцы, и немцы, и евреи. Даже залетели пара цыган и один чукча — по крайней мере, все его так называли, и он был очень похож. Позже чукча, его звали Танат, рассказывал, что они — вымирающая нация и их не должны брать в армию, однако он сам напросился, так как в один из злополучных дней употребил очень много огненной воды и нечаянно спалил чум авторитетного среди их братьев шамана, но это было полбеда: в пламени сторели еще старинные, музыкальные бубны, использовавшихся для выхода местного колдуна в астрал ради общения с предками, и

четыре килограмма курительного табака, заготовленного всем поселением на святой праздник большой луны. Поэтому парень быстро смекнул, что к утру будет не жилец, сгреб свои манатки и умчался на оленях в районный военкомат.

А два родных брата-цыгана — Баро и Данко — позже признались черпаку-клоуну, взяв с него клятву молчания, что попали в армию по недоразумению. Данко убедил своего брата, что у местного фермера по кличке Корейка есть одна лошадь, у которой золотые зубы. Мол, он сам не раз наблюдал этот ослепительный блеск желтого металла во рту красавицы-животины, когда пересекал на своем вороном поле, где пасся табун богача. Ночью они пробрались в стойло и выкрали это божественное, по их словам, существо. Какое же разочарование накрыло их, когда они обнаружили, что зубы были вовсе не из золота, а просто переливались неестественно яркой желтизной. Хозяин украденной лошади сразу вычислил братьев-конокрадов, и к вечеру того же дня Баро и Данко грустные сидели в кабинете местного участкового. Братьям улыбнулась удача: в местном военкомате был недобор новобранцев, и участковый посодействовал своему другу-собутыльнику, работавшему в призывной комиссии.

Поток мыслей постепенно прекратился, мой диалог с собой закончился, и я провалился в самый глубокий сон в своей жизни, который... продлился лишь крошечное мгновение.

— Рота, подъем! — разрезал мой сон голос сержанта. — Форма два — голый торс! Построение у входа в казарму в колонну по три! Бегом... Отставить, уроды мамины! Забыли? По команде «бегом» корпус тела подается вперед, руки сгибаются в локтях. В колонну по одному слева бегом — марш!

В 6:10 утра на огромном плацу на зарядку построился наш парашютно-десантный батальон, в котором было четыре роты, в каждой роте по три взвода в количестве 90 человек. Все были, как мне показалось, на одно лицо, похожие друг на друга. Лысые, в одинаковой одежде, почти все одного и того же роста, с уже замученными лицами и боязливыми, бегающими глазами. Да, подумал я, мы все действительно обезьянки, и стать людьми нам еще только предстоит. Через пот, кровь, физическое изнеможение, личные взаимоотношения. И при всем этом не все приобретают человеческий облик, кто-то и всю последующую службу остается животным.

Начались армейские будни: подъемы, зарядки, чистки оружия, наряды и, конечно же, каждодневные тренировки на ВДК. Последующие месяцы нас усиленно готовили к парашютным прыжкам: прыгали с «трамплинов» сотни раз в песок, отрабатывая приземление. Ноги должны быть плотно сжаты в коленях и стопах, образуя «монолит», после сделать кувырок через плечо или бок. Это гасит инерцию удара и распределяет ее по всему телу. При этом подбородок должен быть плотно прижат к груди, чтобы не прикусить язык и не удариться затылком. Если хоть один из взвода приземлялся на прямые ноги или разъединял ступни — весь взвод прыгал заново.

На тренажере для гашения купола одного из бойцов привязывали к тросу, который тянет лебедка, имитируя сильный ветер после приземления, и тот должен на ходу успеть вскочить, забежать на купол или отстегнуть карабин. Сержант-зверюга вещал при этом:

— Земля — это еще не конец. Если дует сильный ветер, парашют превращается в парус и начинает тащить десантника по полю! Нужно быстро вскочить и оббежать купол с подветренной стороны или резко дернуть за нижние стропы, чтобы «схлопнуть» парашют. Если не поможет — в ход идет нож-стропорез, которым перерезают пару строп.

На металлических рамах мы висели на подвесных системах парашюта в полуметре от земли. Отрабатывали осмотр купола после раскрытия, развороты по ветру (натяжение строп), подготовку к приземлению и — самое веселое — имитацию отказов.

Черпак-клоун кричал: «Схождение справа!» — и вся шеренга «висячих» гвардейцев яростно уходила вправо, имитируя перетягивание строп. Это выглядело как странный танец в воздухе.

Майор Майоров кричал при этом:

— Уроды мамины! Вы так за юбки девочек хватать будете. Жестче хват, цепче. Больше пота на стапеле — меньше крови на поле!

Из деревянного корпуса Ан-2 в натуральную величину, стоящего на земле, отработывали правильный выход из ramпы (двери), сгруппировавшись, прижав локти к запаске и оттолкнувшись под нужным углом. Черпак стоял рядом и бил по корпусу или ногам, если раскорячишься в дверях. Выход должен быть резким и четким.

И самый интересный и внушительный тренажер — парашютная вышка высотой около сорока метров. Бойца прицепляют к уже раскрытому макету купола, который висит на тросе, и по команде тот прыгает вниз.

Уделяли особое внимание и укладке парашюта. Пристально наблюдая за бойцами, сержант-зверюга, Майоров и пара черпаков прохаживались вдоль лежащих на траве развернутых парашютов, проверяя, как гвардейцы-десантники проводят сбор купола.

К моему удивлению, мне довольно легко давалось и даже нравилось это весьма мутное занятие. Подойдя ко мне, майор Майоров спросил:

— Фамилия?!

— Рядовой Голиков, — ответил я, встав по стойке смирно.

— Молодец, воин! — ответил он. — Был опыт в укладке парашюта?

— Никак нет, товарищ майор!

Он хмыкнул, ничего не сказав, и пошел осматривать следующего.

К моменту реального прыжка всех нас так замучили этими тренажерами, что спрыгнуть из самолета казалось уже облегчением.

Два месяца службы пролетели незаметно. После вечерней прогулки с песнями в казарме было общее построение. Сержант-зверюга, прохаживаясь вдоль строя, держа одну руку в кармане, а второй пальцами перебирая хлебные четки, толкал душераздирающую речь. Мы стояли смирно, не шевелясь.

— Вольно! — прикрикнул сержант. — Ну что, бандерлоги?! Завтра приобретете человеческий облик, станете похожи на людей. Пройдете крещение небом! Но десанниками после этого называть себя еще рано. Можете ссаться, срать, маму на помощь звать, а прыгнуть должны все. Отказников сразу в «мабуту» переведут. Первый прыжок, — продолжал сержант, — ничего не понял, второй — страшно, третий — гордость, остальное — работа. Вот только после третьего прыжка можете считать себя наполовину десанниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.